

Брембольские зарисовки

Битва большая и малая

Большая Брембола — так называется одно из ближних к Переславлю сёл. Брембола — странно же для славянского уха звучит это название, не то что, скажем, Берендеево, Ивановское или Горки, пусть даже Ленинские. Да, действительно, Брембола — слово не русское. По твёрдому убеждению местных старожил, оно татарского происхождения и переводится так: битва. Знать, бушевала здесь такая в достославные времена многовековой давности, и, скорее всего, не одна.¹

Надо заметить, километрах в десяти от Большой есть Брембола Малая, тоже повидавшая немало стычек на своём веку. А ещё старожилы говорят, что когда-то село это называлось Лебяжьим. Да только где они, эти прекрасные гордые птицы? Может, грозные битвы спугнули?

Остались в селе и вещественные приметы стародавних тех времён. Есть здесь удивительный пруд с именем собственным — Ратный, дно которого вымощено кирпичом. Из него, по преданию, поили своих коней воины, ценившие их превыше всего на свете. Для того и дно вымостили, чтоб вода не мутилась, была прозрачной и чистой. Сейчас от всего этого остались только старые легенды. Не стало в селе коней. Кому они нужны нынче? А замечательный пруд превратился в никчёмное болото.

Село это испокон веку было богатым. Славилось своими урожаями зерновых и овощей, высокими надоями многочисленного стада. Зажиточными были и подворья здешних крестьян. Сейчас всё это в прошлом. Опустели окрестные поля, стадо легко сосчитать по пальцам на руках. Какие есть коровушки — всё больше личные. И молоко своё крестьяне не сдают, как прежде, а реализуют как могут: кто ездит на рынок с банками и бутылками, кто имеет своих постоянных клиентов, по большей части дачников. Испарилась и общественная сельхозтехника. А если и виднеется какой-никакой тракторишко, то опять же — за высоким забором личной усадьбы.

Но на вид Брембола и сейчас хоть куда. Рядом с обветшавшими деревенскими домишками тут и там выросли шикарные коттеджи с ухоженными газонами, высоченными заборами и припаркованными у ворот иномарками. Их владельцы — и богатенькие переславцы, и заезжие москвичи, охочие до природы. Места же здешние чрезвычайно привлекательны для отдыха. Рядом, под самым боком, перекрытая дамбой и разлившаяся широким водоёмом речушка Ветлянка, берега которой поросли пышными вязами и ивами. Переславцы частенько наезжают сюда, на дамбу, покупаться и позагорать. А уж каково иметь прямо у самой воды шикарный дом, свой причал с катером, личную купальню!..

Но рядовые брембольцы на речку свою смотрят совсем иначе. Из неё можно брать воду для полива огорода, выполоскать в ней бельё, выстирать паласы. Да ещё порыбачить. И только ребятя воспринимает местное водное пространство по назначению и, как только вода прогреется, весело плещется день-деньской.

* Михайлова, Е. Брембольские зарисовки / Е. Михайлова // *Золотое кольцо*. — 2005. — 14 января. — С. ?.

¹ Так называемая народная этимология, ни на чём не основанная. — *Ред.*

Мой друг Арнольд Краснов

О судьбе его и о жизни можно было бы написать целый роман. Но кто из нас не достоин того? Он крестьянский сын, из рязанских. Несмотря на трудные послевоенные годы, мать, воспитывавшая одна троих сыновей, сумела дать ему высшее образование. И стал он агрономом.

Многие годы проработал председателем крупного колхоза на Рязанщине. Потом возник у него тяжкий конфликт с партией, точнее, с тамошними её представителями. И партбилет у него отняли. Он потратил немало времени, сил и нервов, чтобы доказать свою правоту. А потом плюнул на всю эту суету и уехал навсегда с насиженных мест, забрав семью. В Минсельхозе ему предложили на выбор несколько районов, где требовались грамотные и опытные специалисты. Он выбрал Ярославскую область, Переславский район, и стал со временем главным агрономом колхоза «Прогресс». А поселился в Бремболе. Так и живёт тут уже третий десяток лет.

И по сей день, несмотря на свой солидный возраст, жить без физического труда просто не в состоянии. Здоров ли, прихворнул, устал — что бы ни было — шустро добегают за шесть с лишним километров до места своей работы. Смотрю на это и думаю: счастлив должен быть тот работодатель, кто завяжет с ним деловые отношения. Но это, как говорится, взгляд личный.

Живёт он неподалёку от въезда в село в так называемом коттедже. Хотите — смейтесь, хотите — плачьте, но это тонкостенное кирпичное строение носит именно такое гордое название. Хотя истинное ему имя — барак. Из удобств — центральное отопление, которое безуспешно пытается преодолеть суровые северные морозы. Так что и он, и соседи в холодное время года исхитряются обогреться кто во что горазд: кто печурку сложил, кто тратится на электроприборы. А он всё мечтает приспособить буржуйку.

В свой коттедж он исправно таскает воду из дворового колодца. Запаршивел в последние годы колодец, хотя вода в нём удивительно вкусная. Но очень уж стала грязная — за день осадок в ведре вырастает в два пальца. После длительной дискуссии с председателем сельсовета — так по старинке называют сельчане главу местной администрации — наняли всё-таки людей, чтоб почистили обветшавший источник. Мнение Арнольда сыграло в осуществлении этого действия далеко не последнюю роль — что-что, а авторитет у него солидный. Хоть он уже давно на пенсии, как говорится, не у дел. Но и по сей день с тоской смотрит на запустелые окрестные поля, называет цифры былых урожаев, численность тогдашнего стада, величину надоев. Где теперь всё это?..

В селе его знает, как говорится, каждая собака. Кого ни спроси — укажет его дом. Но поголовно все по-простецки называют его Александрычем — уж больно имя у него заковыристое. Так мама родная назвала. Вот и дети у него теперь Арнольдовичи и Арнольдовны.

Его уважают. И не только за славное прошлое. За честность, принципиальность, справедливость, за умение сказать в нужное время нужное, пусть даже резкое слово, невзирая на лица. Но соседские пацаны, несмотря на опаску быть проученными с помощью крапивы, неизменно обирают его яблоню, даже когда плоды совсем ещё зелены. Он ругается, обречённо понимая, что с этим видом местного спорта не совладать. Подумывает даже, не спилить ли злополучное дерево. Но тут же отказывается от этой мысли — не поднимается рука на живое...

Соседи

Их много, практически всё село. Но самые родные — те, кто живёт бок о бок: через стенку или напротив. Они в случае нужды придут на помощь, и им помогают, когда требуется. Таков закон вселенского общежития.

Главная востребованная помощь — воспользоваться телефоном или одолжить тридцатку (цена самогона местного производства).

Да, горячительное, как ни крути, главная примета теперешней сельской жизни. Пьют по-чёрному — с горя, по-белому — на радостях и по-серому — просто так, для полезного времяпрепровождения. Тут, что называется, сам ангел небесный крылья сложит.

Но есть в Бремболе и другие соседи. Борис Фетисов, в просторечии — Борька, в своё время был одним из лучших механизаторов бывшего колхоза «Прогресс». Ему по плечу были, да наверняка и остались, все сельхозработы: и пахота, и культивирование, и боронование. Он и сейчас ведёт достойную жизнь, хотя профиль его трудовых усилий несколько изменился: он нынче торгует молоком от собственной коровы. Работать и ему, и жене приходится не покладая рук. Но им не привыкать — работяги.

Под стать ему и Валентин Егунов, тоже отменный механизатор. Замечательно работал. Вклад таких людей в былую славу «Прогресса» неоспорим и неоценим.

Два Коли, Окунев и Никитин, работали на тракторе МТЗ, делали всё, на что был способен их железный конь. Но времена изменились — нагрянули новые соблазны, против которых мало кто смог устоять. И хотя они и сейчас от работы не отлынивают, но где она, работа? А соблазны, вот они — рядом.

А ещё в Большой Бремболе есть школа, уникальная на весь район, а может быть, и на всю область. Год назад ей исполнилось ровно сто лет. Расположена она в самом историческом центре села — рядом с сельской администрацией и неподалёку от храма. Здесь учатся не только местные, брембольские, но и ребяташки из близлежащих сёл и деревень, где есть только начальные школы. Раньше они ездили в школу на обычных рейсовых автобусах. Мне приходилось видеть стайки мальчишек и девчонок с ранцами, зябнущих на придорожных автобусных остановках. Я каждый раз поражалась, как хватает им сил и желания тащиться по три-четыре километра до этой остановки, почти столько же по самому селу, а потом, после школьного дня, всё в обратном направлении. Знать, не перевелись на земле русской Ломоносовы!

Но сейчас действует для них губернаторская программа «Школьный автобус». И когда я вижу на городских улицах и пригородных дорогах этот жёлтый «кавзик», на сердце теплеет.

До поздней осени цветы

Такова брембольская жизнь. Конечно, я рассказала о ней очень скупно, проиллюстрировала лишь несколько её моментов, назвала считанные имена. А их много, брембольцев, и все они такие разные, как все люди на свете.

И жизнь в Бремболе у каждого своя, свои заботы и хлопоты. Стараниями одних восстанавливается местная церковь. Очень уж обветшал большой и красивый храм. И нашлись энтузиасты, собирающие изо дня в день по копейкам средства на восстановительные работы. Уже увенчались церковные строения новенькими куполами, потихоньку оштукатуриваются стены. Вот бы ещё на новую ограду наскрести!

Исправно работают в селе три магазина: два сельповских и один частный. Продавцы, точнее, продавщицы — люди, пожалуй, самые популярные на селе. Их зовут хоть и попросту, по именам, но весьма уважительно. А в самом крупном из них, что на въезде в село, образовался своеобразный клуб. Здесь за круглым столом в самом прямом смысле слова собираются местные бабушки: посудачить о том о сём, поделиться очередной новостью, ну и немножко посплетничать — куда от этого деться.

Пожалуй, не найдётся в селе семьи, которая не имела бы поблизости от дома одного, а то и двух-трёх участков земли. Только ленивейшие из ленивых игнорируют этот дополнительный источник семейного благополучия. На своих огородах работают истово, как правило, вручную, по старинке: лопатой да мотыгой. А когда приходит время цыпят считать, вроде как исподволь нахваливают свой урожай. И у соседей не преминут поинтересоваться: «Ну, как картошка, уродилась? А капуста? А морковь?» И обязательно посетуют на погоду, вечно сующую палки в колёса земледельцу.

А ещё я заметила: нет в селе такого огорода, в котором не цвели бы от весны до поздней осени цветы. Знать, и в самые смутные времена не остаётся душа людская равнодушной к красоте земной. И думаю невольно: а может быть, в этом и кроется вечный двигатель — двигатель жизни наперекор всему...